

**ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА КАК НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
РОМАНА Ю.КАРАБЧИЕВСКОГО «ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА ЗИЛЬБЕРА»**

В.Б.Белукова

**OVERCOMING LONELINESS AS A MORAL AND EDUCATIONAL CONTENT OF NOVEL “LIFE OF
ALEXANDER ZILBER” BY YU.KARABCHIEVSKY**

V.B.Belukova

Московский государственный областной университет, zaglobav@mail.ru

Представлен анализ романа Юрия Карабчиевского «Жизнь Александра Зильбера», раскрыты причины одиночества героя, картины сложного становления личности, преодоление страха общения с людьми. Рассмотрены конкретные эпизоды романа, особое внимание уделено педагогическому анализу причин неприятия героем своих ровесников, ненависти к отчиму. Взросление героя происходит в то время, когда он, став отцом, понял, насколько был не прав по отношению к отчиму, как мучил этим свою мать. Анализ данного романа дополняет и углубляет современные научные представления о городской прозе, о мотиве страха как болезни.

Ключевые слова: *преодоление страха, нравственно-воспитательное содержание, городская проза, экзистенциальное начало*

The article presents an analysis of the novel “Life of Alexander Zilber” by Yu.Karabchievsky. causes of hero's loneliness, complex pattern of hero's personality formation, overcoming the fear of dealing with people are disclosed. Some scenes of the novel are analysed, special attention is paid to causes of peer rejection and hatred to his stepfather. The main character of the novel grows when he becomes a father himself, and he realizes how badly he behaved in relation to his stepfather and this way he was torturing his mother. An analysis of this novel complements and deepens our understanding of urban prose.

Keywords: *overcoming of fear, moral and educational content, urban prose, existential beginning*

Отчуждение людей друг от друга может стать приметой сегодняшнего дня: человек, особенно молодой, с одной стороны, всё время находится в широком информационном поле — пресса, телевидение, интернет, а с другой — уткнувшись в новомодный гаджет, он не видит и не слышит ничего, что делается рядом и вокруг него. Проблема эта не новая — отчуждение людей друг от друга в мировой литературе способствовало утверждению понятия «экзистенциализм», достаточно сложного и трудно формулируемого, выражающего прежде всего «“дух времени” в определенной тональности» [1]. Философ Юрий Боров определяет, что «*экзистенциализм утверждает одинокую эгоистическую самоценную личность, живущую в мире абсурда*» (курсив автора — В.Б.) [2, с. 309]. Как известно, в центре внимания экзистенциализма находится переживание индивидуальным человеком его существования, которое, разумеется, будет у каждого своё, но в то же время для всех есть нечто общее — тревога, вина, надежда, забота и самое главное — страх; экзистенциалисты внесли весьма существенный акцент: «... в этих переживаниях дает о себе знать нечто иное, чем является собственно человек. В переживании существования обнаруживается бытие» [1]. По мнению М.Хайдеггера, человек всегда и везде одинок, истинное общение человека — это общение его с самим собой, так как понять его не может никто в этом мире: «Одиночество есть дефективный модус со-бытия, его возможность доказательства последнего. Фактическое одиночество, с другой стороны, снимается не тем, что “рядом” со мной слу-

чился второй экземпляр человека или возможно десять таких. Даже если их имеется и ещё больше наличие, присутствие может быть одиноким» [3, с. 120].

Тесно связанный с отчуждением мотив одиночества, характерный для экзистенциализма, весьма характерен для городской прозы, в частности, прослеживается в романе «Жизнь Александра Зильбера» (1975) Юрия Карабчиевского (1938—1992), поэта, прозаика, литературного критика-эссеиста. Лирический герой романа Ю.Карабчиевского очень одинок, несмотря на то, что один он остаётся только в минуты творчества: Саша Зильбер — «объективированный автор» (М.Бахтин) — постоянно говорит о своём бесконечном одиночестве, отрешённости от людей и где-то даже изгойстве, состояние которого он осознал уже в детстве. Мальчика начали травить в пионерском лагере, приближение отъезда в который он ожидал с ужасом: «До последнего момента я надеюсь на чудо. Мне не дадут какой-нибудь справки, отряд окажется перегруженным, вдруг у кого-то дизентерия, объявляется карантин, и всех распускают. Как искренне, с какой благородной отдачей я бы изображал огорчение! <...> я понимаю, что пути отрезаны. <...> я стараюсь не видеть своих новых товарищей — я ненавижу их всех. Трусливая ненависть переполняет меня и выплескивается наружу» [4, с. 6]. Напротив, преждевременный отъезд герой почитал за счастье: мама «родная и добрая, и вот приехала раньше других и уводит меня все дальше и дальше от страшной ограды, а впереди за узкой полоской леса уже слышна станция, и там мороженое, толпа, электричка, жи-

вые отдельные нормальные люди, и *никто из них, чужих, ничего мне там не прикажет* (курсив мой. — В.Б.), а свои — вот они, рядом, гладят меня и любят, и не меньше других, и не так, как других, а больше всего на свете!» [4, с. 6].

Как отмечено в трудах М.Хайдеггера, страх возникает вместе с фиксацией будущего зла; все видоизменения страха (испуг, жуть и ужас) и его формы (застенчивость, стеснительность, боязливость, ступор) переживал герой Ю.Карабчиевского не только в детстве, но и во взрослой жизни. Саша Зильбер нигде не чувствовал себя своим, ему нигде не было тепло, даже в лагерной столовой, любимым месте детей, процесс еды для Саши Зильбера становится источником негатива: «Запах столовой — это символ моего одиночества, это образ моей беззащитности. Столовая — это такое большое, открытое, но и замкнутое пространство, где тебе абсолютно некуда деться, где ты всем доступен, “как слон в зверинце, как муха в стакане, как гусь на блюде”, где нельзя отойти, передвинуться, отвернуться...» [4, с. 10]. Несколько позже, в повести «Тоска по Армении» писатель даст образ города и даже целой страны, где герой впервые почувствовал себя в полноте своей сущности; это неизведанное ранее состояние души без всякой ущербности приводит к тому, что «слёзы умиления и благодарности застилают мне глаза. Старый дурак. Ну что, что тебе такого сказали? Что сказали... Вот именно, что ничего!» [5, с. 199]. *Ничего* — это то самое доброе уважительное отношение к человеку (вспомним классическое володинское: «доброе слово и кошке приятно!»), которое отгоняет присущий герою страх общения с людьми.

Одиночество, замкнутость и жизненная неустроенность Саши Зильбера усугубляется присутствием в его жизни отчима, у которого он должен был жить. Неприятие этого человека — от внешности до манер — разъедает душу ребёнка, поселяя в ней непрекращающийся ужас: «Перед самым переездом со мной случилась истерика. Я сидел в комнате вместе со всеми, слушал мирные вечерние разговоры» и почувствовал, как «стены комнаты закачались перед глазами, меня стало подташнивать и знобить. <...> я, весь перекошенный, со сведенными судорогой плечами, бросился к ней (*матери*. — В.Б.) в ноги и стал выть в голос» [4, с. 27]. После этого сильнейшего потрясения Саша не сразу «вспомнил человеческий язык»: страх понимания, что с новым замужеством матери он стремительно падает в пропасть одиночества, почти парализовал его, ребёнок, «сразу забыв все на свете слова, не умея произнести ни одного...», почувствовал, как его «жизнь обрывается в пустоту» [4, с. 27]. Саша Зильбер пытается разобраться в истоках этой ненависти и честно признаётся, что сам «лелеял» в себе чувства ненависти и злости, которые «душили» его самого, «не находя себе иного выхода» [4, с. 38]. Почему? А всё дело в страхе: «Я испытывал постоянный *страх* (курсив мой. — В.Б.) перед ненавистью, своей и чужой, а больше перед чужой, органическую боязнь вражды, которая была еще, в свою очередь, крайним случаем б о я з н и н е д о б р о ж е л а т е л ь с т в а (разрядка автора. — В.Б.), свойственной мне

всегда, изначально, как какая-нибудь хромосомная *болезнь* (курсив мой. — В.Б.)» [4, с. 38]. Итак, слово произнесено: страх — это болезнь. Болезнь надо лечить, от неё надо избавляться. Автор тонко подходит к истокам детской ненависти: отец Саши погиб на фронте, мать выходит замуж, т.е. создаёт новую семью, где в центре не только он, Саша. Дядя Яша, как называет герой отчима, хоть человек нетактичный и примитивный, но в общем-то не злой: но от его нравов учений герою романа хочется «плакать, блевать, бежать, убить»: «я пристально слежу за его движениями, я дорожу каждым штрихом его облика, каждой мелочью, каждой подробностью, *питающей мою ненависть* (курсив мой. — В.Б.)» [4, с. 27]. Зоркий взгляд, обострённый *страхом* и *ненавистью*, изощрённо выискивает в памяти самые отрицательные эпизоды и даёт возможность постоянно их «лелеять». Сознательно выбранное в детстве Сашей Зильбером одиночество постепенно переходит во взрослую жизнь: герой и во взрослом возрасте «лелеет» чувство никому не нужности и замкнутости, он больше *анализирует* свою жизнь, нежели *проживает* её. Как преодолевается эта «взлелеянная ненависть»? По его же словам, «повзрослением»: только когда Саша стал отцом (и неважно, что его сыну всего две недели!), «маленький крикливый зверек, странным образом имевший ко мне самое непосредственное отношение, оказался вдруг в центре мира, всё же остальное, и люди и предметы, играло теперь вспомогательную роль, было лишь средством для его существования и исправного функционирования» [4, с. 88]. Поражаясь сходству ребёнка с собой, Саша думал: «Не может быть, чтобы так точно! Я — это ведь только я, никто не может быть мной, кроме меня. Но вот — пожалуйста! Как же так? Да-да, не во всем, да-да, он будет меняться, но вот сейчас я смотрю на него и вижу: это я! Как-то сразу, в несколько дней, я почувствовал, что получил наконец самое главное: и смысл жизни, и бессмертие, и верную точку опоры...» [4, с. 88].

Мотиву *одиночества, господствующему в повести* близок мотив *дома/бездомности* героев, в данном романе «повзросление» героя тесно связано с ощущением *дома/бездомности*, освещенным автором по-иному: это не есть *бездомье* в классическом смысле — *нет дома*. Например, герою было хорошо у бабушки с бабушкой, несмотря на то, что их дом не был его домом. И с матерью у него был дом, более того, герой сам гордо заявляет: «Мы живём в отдельном особняке!» И хотя его «собственный дом (то бишь, «отдельный особняк!» — В.Б.) собран из телеграфных столбов, горбылей, желтых и серых листов фанеры с надписями “карачаровская база” и голубых листов алюминия с пунктирными самолетными номерами», это всё равно *дом*: «И все же мы здесь хозяева, моя мама, моя тетя, мой дядя (мой двор, моя дверь, мой стол — замечательные сочетания!). У нас свои печи в комнатах, свой сортир во дворе, своя собака в будке, своя картошка на огороде» [4, с. 7]. Несомненно, это послевоенное убогое жильё — *дом*, потому что ребёнок уже знал *бездомье*: «Прежний наш довоенный дом растащили весь на дрова <...> Три года, два военных и послевоенный, мы тоже жили в бараке.

Три года в маленькой комнатке, стоявшей навтыжку в общем строю, комната справа, комната слева, бесконечный ряд комнат напротив. У каждой двери по-мойное ведро. Но самое страшное — уборная» [4, с. 7]. «Особняк» мил сердцу ребёнка уже тем, что в нём — «снова, “как до войны”. Только нет нашей мебели, растащенной соседями, нет фруктовых деревьев, спиленных под корень, нет верной овчарки, подошедшей с голоду, и нет моего отца, погибшего в сорок втором» [4, с. 7]. У него даже есть «свой с а м ы й (разрядка автора — В.Б.) собственный дом — шалаш между углом дома и углом забора» [4, с. 7]. *Бездомье* своё герой ощущает в своей ненужности никому — наличие недостаток любви, обострённый двойственным положением матери и примитивностью дяди Яши. Саша чувствует свою полную зависимость от отчима и уверен, что избавит его от этой унижительной зависимости только «повзросление». Последние слова дяди Яши, обращённые к Саше, были: «Как маленький?» И эти слова перевернули сознание героя: он-то думал, что «повзросление» навсегда освободит его от дяди Яши, а оказалось наоборот — он вдруг понял, что этот, ненавидимый им человек, есть очень дорогой ему человек, к которому он впервые испытал чувство, близкое к нежности: «И вот всё, что я написал о нем раньше, было ложью, хотя и правдой. Все это было ложью, так как было только частью правды. Я писал так, будто и сейчас, в момент писания, жил в том далеком времени, будто и сейчас не знал заранее этой последней сцены, этого его последнего ко мне обращения, на которое он истратил свои последние силы. А ведь я уже знал, когда писал. Как же я мог?» [4, с. 88].

Ключевая сцена романа — прощание Саши с умирающим дядей Яшей, в ней происходит «повзросление» героя, пришедшего проведать умирающего в больнице от неизвестной болезни (врачи не распознали банальный аппендицит) дядю Яшу. Упрёк самому себе есть первый признак взрослости и первое освобождение от одиночества: пришло понимание, что ты можешь быть неправым, что больно бывает не только тебе, что можно быть одиноким, но не в одиночестве. Всё это дало возможность Саше осудить самого себя, а своё одиночество рассматривать как возрастной эгоизм. Не стало места «взлелеянному чувству», во многом эгоистическому: не будь дяди Яши, неизвестно, как бы выжил этот ребёнок в послевоенное время и что бы с ним стало.

Герой романа, описывающий свою жизнь, признался, что «если взять себя крепко за грудки и допросить с пристрастием, то и обнаружится всё, что должно было обнаружиться»: вечный страх, мечты о свободе. Но, чтобы обнаружился «мудрый скептик», «мало взять себя за грудки, надо еще хорошенько

набить себе морду» [4, с. 105], потому что не только «просмотрел» Саша чужого дядю Яшу: герой жил рядом с удивительным человеком, своим дедом, отцом погибшего на фронте отца, и за копанием в себе не оценил по достоинству этого неординарного человека. Саша Зильбер замкнут на себе. Ария Орфея из оперы К.Глюка «Орфей и Эвридика» — «Потерял я Эвридику» — на первый взгляд указывает на пессимистический финал: по-те-рял. Не только отца, мать, дядю Яшу, первую любовь Тамару — герой на какое-то время потерял себя, вернее, не нашёл себя. Говоря себе: «не надо оглядываться», «оглянись, потеряешь...!» [4, с. 105], тем не менее, Саша до минуточки хранит в себе прошлое: и «лелеемую» ненависть, и «повзросление, которое в итоге освобождает его от одиночества, в итоге — от сиюминутного. Поэтому нельзя не согласиться с выводом критика: «Написанному Карабчиевским еще предстоит прорасти в нас, его читателей, прорасти в литературе, впереди у него ещё целая жизнь» [6].

1. Гайденко П.П. Экзистенциализм // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. /
2. Под ред. В.С.Стёпина. Т. IV. М.: Мысль, 2001 [Электр. ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 17.01.2016).
3. Боров Ю.Б. Экзистенциализм // Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс. М.: ИМЛИ ОАН, «Наследие», 2001. С. 309-318.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
5. Карабчиевский Ю. Жизнь Александра Зильбера // Карабчиевский Ю. Тоска по дому. М.: СП «Слово», 1991. С. 3-184.
6. Карабчиевский Ю. Тоска по Армении // Карабчиевский Ю. Тоска по дому. М.: СП «Слово», 1991. С. 297-349.
7. Костырко С. «С угрюмым обожаньем...» // Новый мир. 1993. № 10 [Электр. ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru> (дата обращения: 04.09.2015).

References

1. Gaydenko P.P. Ekzistentsializm [Existentialism]. Stepin V.S., ed. Novaya filosofskaya entsiklopediya in 4 vols, vol. IV. Moscow, 2001. Available at: <http://dic.academic.ru> (accessed 17.01.2016).
2. Borev Yu.B. Ekzistentsializm [Existentialism]. Teoriya literatury, vol. IV: Literaturnyy protsess. Moscow, 2001, pp. 309-318.
3. Khaydegger M. Bytie i vremya [Being and Time]. Moscow, 1997. 451 p.
4. Karabchievskiy Yu. Zhizn' Aleksandra Zil'bera [Life of Alexander Zilber]. In: Karabchievskiy Yu. Toska po domu. Moscow, 1991, pp. 3-184.
5. Karabchievskiy Yu. Toska po Armenii [Longing for Armenia]. In: Karabchievskiy Yu. Toska po domu. Moscow, 1991, pp. 297-349.
6. Kostyrko S. "S ugrumym obozhan'em..." [With the gloomy adoration]. Novyy mir, 1993, no. 10. Available at: <http://magazines.russ.ru> (accessed 04.09.2015).